
ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА: АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

А.К. Сорокин

Немедленного ответа на директиву об одновременном наступлении на противника для соединения 54-й армии и Ленинградского фронта потребовал Сталин 18 августа 1941 г. в 0:30 от А.А. Жданова и А.А. Кузнецова.

И мы сегодня, взглядываясь в недавнее историческое прошлое, требуем от него и, кажется, не можем получить ответов на вопросы, которые продолжают волновать российское общество. В том числе и потому, что мы не особенно их ищем, предпочитая, как правило, спекуляции анализу исторических фактов и исследованию документов. Эту особенность отечественного общественного сознания подметил еще В.О. Ключевский, записавший столетие назад в своем дневнике: «Интересовались красивыми историческими лицами или драматическими эпизодами, не историей, чем интересуются дети или незрелые взрослые. Анекдот лег краеугольным камнем в основу исторического общественного сознания». Рискнем оспорить до некоторой степени это утверждение классика российской исторической науки, ибо такого рода подход к историческому прошлому свойствен массовому сознанию любого (а не только российского) общества и, видимо, в любые времена. Сожалеть приходится лишь о том, что сегодня стереотипы массового сознания все активнее вытесняют научное знание из области истории (и не только), как и признание необходимости вообще такого. Полезность мифов для формирования и функционирования национального сознания отстаивают представители противоположных мировоззренческих систем. «Анекдоты» о российском историческом прошлом либо исключительно героического, либо исключительно негативистского характера до предела заполнили пространство массового сознания. Понятно, что анекдот, как и миф, не нуждается ни в факте, ни в документе.

Именно по этой причине, по-видимому, и сегодня мало востребованными остаются целые архивные комплексы, в том числе документы по истории Великой Отечественной войны, несмотря на всю риторику вокруг этой темы. В этом ряду находится и история обороны Ленинграда. И документов таких немало. Так, например, в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранятся фонды Государственного комитета обороны (ГКО), Центрального штаба партизанского движения, архив ВЛКСМ, личные

фонды И.В. Сталина, А.А. Жданова, А.И. Микояна, В.М. Молотова и др. Личный фонд Сталина включает в себя в том числе материалы его переговоров по прямому проводу с командующими фронтами, приказы наркома обороны и проч. Некоторые из этих фондов, прежде всего сталинского, известны лучше, другие, такие как документы Технического секретариата Оргбюро ЦК ВКП(б), – хуже. В листах использования целого ряда архивных дел вообще отсутствуют записи, их не держал в руках никто, кроме тех, кто создавал эти документы более 70 лет тому назад, и архивистов, описавших и поставивших эти документы на государственный учет. Есть такие папки и в других личных фондах, например А.А. Жданова.

Автор не искал в этих папках исчерпывающих ответов, но нашел при этом основания для постановки ряда вопросов, структурированная совокупность которых, наверное, и формирует предметное поле научного поиска. Именно этими вопросами, возникшими в результате знакомства с документами одного конкретного архива, и хочется поделиться с заинтересованной аудиторией.

* * *

Великая Отечественная война, как мы знаем, началась для страны трагически. Утром 22 июня германские войска осуществили «совершенно неспровоцированное и безжалостное вторжение» на территорию СССР, как определит действия Германии У. Черчилль в своем послании Сталину от 8 июля 1941 г. Вслед за этим вторжением в разное время в войну против СССР на стороне Германии вступили Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия, Словакия, Болгария, Хорватия. Для жителей Ленинграда и Ленинградской области, как и граждан всего СССР, повседневная жизнь начнет меняться в тот же день, когда вслед за вторжением вермахта 22 июня 1941 г. принимается Указ Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных по целому ряду военных округов, включая Ленинградский^а.

Одним из основных вопросов, традиционно привлекающих неослабевающее внимание общественности, – вопрос об уровне готовности к войне. Мы имеем возможность взглянуть на проблему подготовки к войне снизу – глазами управляемых. 14 июля 1941 г. группа женщин-коммунисток Островского района Ленинградской области направит на имя Сталина возмущенное письмо. «Пограничный город Остров и его район, – начнут они свое письмо, – оказался совершенно неподготовленным к условиям современной войны». Приграничный город, как следует из письма, не был прикрыт ни авиацией, ни частями регулярной армии, ни подразделениями ПВО. Город охранялся только истре-

^а Правда. 1941. 23 июля. № 172, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 133; Ф. 790. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

бительным отрядом, половина которого не имела военной подготовки. Такое положение привело к тому, что «фашистские самолеты имели возможность безнаказанно бросать бомбы, и 3 июля высадили десант с танками. К 3 часам утра 4 июля город был зажжен, горели склады, нефтебаза, льнозавод, станция ж. д.»^а. Обращает на себя внимание и отсутствие взаимодействия между военными и гражданскими властями. «Население города было вынуждено кто как покинуть город» из-за отсутствия своевременных указаний об эвакуации. «Не наводите паники, за это расстреливают», – заявляли до последнего момента руководящие работники района.

Следует признать, что рядовые граждане имели полное право предъявлять претензии местной администрации. Следует иметь в виду, однако, что ее руководители и сами не знали, что именно следует делать в сложившейся ситуации. Никакого плана действий на случай начала войны руководители на местах не имели.

С похожими проблемами столкнулся не только Остров. Не вполне готов оказался к войне и Ленинград. 12 июля Ставка верховного командования получит доклад о мероприятиях по усилению противовоздушной обороны (ПВО) Ленинграда за подписями командующего Северным фронтом М.М. Попова, члена Военного совета А.А. Жданова и начальника штаба фронта Д.Н. Никишева. Доклад зафиксирует отсутствие в системе ПВО световых полей для обеспечения ночного боя истребительной авиации. Сама истребительная авиация укомплектована устаревшими самолетами И-16 и И-153, не обеспечивавшими надежную борьбу с современными самолетами противника. 2-й корпус ПВО оказался обеспечен выстрелами к зенитным орудиям в размере лишь 0,6 боекомплекта. «Это количество не обеспечивает ведение интенсивного боя в течение даже одних суток»^б. Батареи зенитной артиллерии требовали полного табельного оснащения матчастью, т. е. выделения дополнительных орудий, положенных артвыстрелов и дальномеров. Также в докладе было отмечено «крайне неудовлетворительное» обеспечение матчастью полков аэростатов заграждения^в. Важной проблемой для частей ПВО, как, впрочем, и для всей действующей армии, оказывается некомплект средств проволочной и радиосвязи, «что не обеспечивает управление частями в бою и организацию ведения огня»^д. 22 июля Государственный комитет обороны отреагирует на этот запрос и примет постановление № 232, удовлетворяющее все потребности фронта^е.

^а РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 122. Д. 10. Л. 20–21.

^б Там же. Ф. 644. Оп. 2. Д. 6. Л. 217.

^в Там же. Л. 218.

^д Там же.

^е Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

Вопрос о готовности Советского Союза к началу войны традиционно часто сводится, причем не только в массовом сознании, но и в историографии, к вопросам военно-технической подготовки. При этом совершенно упускается из виду тема организационно-политической подготовки и, говоря шире, проблема государственного управления. Как легко увидеть уже по двум приведенным эпизодам, в них переплелись вопросы военного, военно-технического, политического и организационно-управленческого характера.

Изучение документов свидетельствует, что высшим политическим руководством не была подготовлена система управления страной на случай начала военных действий. Она создается рядом решений импровизационного характера.

* * *

Неготовность к войне проявилась прежде всего на политическом и организационном уровнях, первопричиной которых был «роковой самообман» Сталина в отношении намерений Гитлера. Когда на рассвете 22 июня начальник Генерального штаба Г.К. Жуков звонком на т. н. ближнюю дачу сообщил Сталину о вторжении, тот все еще верил, что вермахт пытается спровоцировать войну без санкции Гитлера. Именно поэтому директива № 1 от 21 июня, предупреждая о возможном внезапном нападении немцев 22–23 июня, которое «может начаться с провокационных действий», ставила задачей «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Отказ от подготовки к негативному развитию событий привел к тому, что партийные (то есть политические) и советские (государственные) руководители на местах также не имели каких бы то ни было инструкций на случай начала боевых действий.

Слабость институтов управления, замкнутость формальных и неформальных коммуникаций на высшего управляющего, неформальное делегирование собственных прерогатив управляющими с мест верховному правителю и формальное сосредоточение властных полномочий в одних руках привели к кризису управления в результате ошибки высшего должностного лица, неверно определившего вероятные сроки вторжения. Результатом стал организационный кризис системы государственного управления в начальный период войны.

В результате разрушения коммуникаций высшие органы управления были дезориентированы, в результате чего становятся возможными решения вроде постановления Политбюро от 24 июня 1941 г. о выделении муки и кукурузы для продажи населению горных районов Западных областей УССР, уже захваченных вермахтом^а.

^а РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 26.

Ярко иллюстрирует эту проблему история создания Ставки Главного Командования Вооружённых Сил чередой решений импровизационного характера. Ставка будет создана 23 июня 1941 г. совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). При этом Сталин уклонился от руководства Ставкой, ее председателем был назначен нарком обороны С.К. Тимошенко, не принимавший в сложившейся властной системе окончательных решений, что прямо вело к дезорганизации управления, причем не только военного.

Ситуацию подправило решение от 10 июля, когда была создана Ставка Верховного Командования под председательством теперь уже Сталина. 19 июля 1941 г. Сталин решением Политбюро будет назначен наркомом обороны СССР, сменив Тимошенко на этом посту^а. И только с 8 августа Сталин Указом Президиума Верховного Совета СССР назначается Верховным главнокомандующим всех войск Рабоче-Крестьянской Красной армии и Военно-Морского Флота^б.

Что касается распространенного мифа о прострации Сталина в первые дни войны, то он в превращенной форме отражает и кризис государственного управления, и личный психологический срыв Сталина, который действительно имел место 28–30 июня. На эти дни пришелся пик кризиса, связанный с падением Минска. 29 июня после разбирательства накануне в Генштабе причин сдачи города Сталин не приехал в Кремль, что вызвало беспокойство у его окружения. 30 июня во второй половине дня члены Политбюро приехали к нему на «ближнюю» дачу в Кунцево, где было принято решение о создании Государственного комитета обороны. Сталин возглавит его в качестве председателя.

При этом ничего оригинального придумано не было. В годы Гражданской войны действовал Совет труда и обороны, целью создания которого являлась также максимальная централизация управления страной. Этот опыт был основательно подзабыт, ведь проект решения о создании ГКО был спонтанно написан прямо по ходу совещания Г.М. Маленковым, правку в документ внесли Сталин и Молотов. В связи с этим имеет смысл говорить не о прострации Сталина, а о коллапсе системы управления, оказавшейся не подготовленной в организационном плане к началу войны, на случай которой отсутствовала соответствующая модель управления.

Характерно, что в первых постановлениях и распоряжениях ГКО можно встретить немыслимые в дальнейшем стилистические конструкции, вроде «Государственный Комитет Обороны предлагает...».

Для характеристики атмосферы, царившей в Кремле, важно отметить, что будущий маршал Мерецков, включенный 23 июня в первый

^а Там же. Оп. 163. Д. 1317. Л. 184.

^б Там же. Д. 1319. Л. 92.

состав Ставки в качестве постоянного советника, был уже на следующий день арестован по обвинению в шпионаже.

Высшим чрезвычайным органом государственного управления страной в годы войны станет Государственный комитет обороны (ГКО), который примет за годы войны 9971 постановление во всех сферах жизнедеятельности страны: мобилизация народного хозяйства для нужд фронта и перевод предприятий на выпуск военной продукции, выпуск вооружений и боеприпасов, разработка новых видов вооружений, эвакуация и реэвакуация предприятий, организаций и населения, формирование войсковых соединений и кадровые вопросы; на начальном этапе войны – организация боевых действий противовоздушной обороны, совершенствование организационных форм управления армией и ее тыловое обеспечение, начало «работ по урану», репрессивные акции и др.^а Важно подчеркнуть, что ГКО не имел собственного центрального бюрократического аппарата, его члены использовали тот, которым они располагали по своей «основной» должности – в Совнаркоме или ЦК ВКП(б). При этом с первых дней существования ГКО назначает полномоченных и не только в центре, курировавших, как А.И. Микоян, Л.М. Каганович, целые направления деятельности, но и на оборонные заводы и на территории. Своим специальным решением ГКО образовал местные чрезвычайные органы (в 74 крупных городах), концентрировавшие всю гражданскую и военную власть^б. Члены ГКО были автономны в своей повседневной работе на закрепленных за ними участках работы в большей мере, нежели в довоенный период. При отсутствии институционально закрепленных процедур и соответствующих нормативных документов функционирование системы обеспечивалось прямым или опосредованным (включая репрессии) внеэкономическим принуждением, но также и готовностью управляемых (включая высших управляющих) подчиняться установленному порядку и при этом добиваться поставленных целей инициативно, не будучи скованными правилами. Сталинские наркомы не были бессловесными винтиками системы.

Сосредоточить полноту власти ГКО удалось далеко не сразу. В первый месяц войны роль центра принятия решений по-прежнему играет Политбюро. С течением времени ГКО концентрирует всю власть в стране и не делит ее с другими органами управления. Институциональный подход к анализу системы управления, однако, не все проясняет в достаточной мере. Следует иметь в виду, что институты управления были все собраны в один «мешок» и «бочонки» этого своеобразного русского

^а См.: Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг.: в 2 т. М., 2015.

^б См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 5 т. Т. 2: в 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 337–338, 346.

лото вместе с их кадровым содержимым вынимала из этого мешка рука Хозяина. ГКО – это точно найденный в чрезвычайных обстоятельствах не столько институт управления, сколько (особенно на первом этапе) легитимная форма репрезентации государственным органам и обществу решений все той же самой группы высших управляющих, и до этого момента сосредоточивших в своих руках все нити управления. Легитимность созданного Сталиным режима стала важнейшим фактором победы.

Концентрация исполнительной власти завершалась на вершине пирамиды. Сталин в короткий срок занял почти все высшие посты в стране: он являлся не только председателем ГКО (с 30 июня 1941 г.) и Ставки (с 10 июля), Верховным главнокомандующим (с 8 августа), но и Председателем Совнаркома (с 6 мая 1941 г.), первым (генеральным) секретарем ЦК ВКП(б), наркомом обороны (с 19 июля).

В сфере управления военными действиями важнейшим стало решение о создании Ставки верховного главнокомандования, позволившее централизовать принятие решений военного характера. При этом параллельно продолжали существовать главные командования направлений, что часто приводило к снижению оперативности управления, вносило элементы дублирования. Главное командование Северо-Западного направления будет упразднено 27 августа 1941 г., Юго-Западного – 21 июня 1942 г. Отсутствие последовательности ясно видно в решениях относительно Западного направления, которое упраздняется 10 сентября 1941 г., воссоздается в феврале 1942 г. и окончательно ликвидируется 5 мая того же года.

Острая фаза кризиса управления завершается в августе 1941 г. На выходе из нее создаются органы управления, действовавшие на протяжении всей войны; завершаются процессы централизации управления и консолидации власти сосредоточением всех основных властных полномочий в руках персонально Сталина, вернувшегося на вершину властной пирамиды фактически и формально-юридически. Лишь пост номинального главы государства – председателя Президиума Верховного Совета СССР – остается за М.И. Калининым.

* * *

Импровизации в сфере управления имели место и в Ленинграде. 20 августа 1941 г. Военный Совет войск Северо-Западного направления принимает постановление, отменяющее приказ Главного командования Северо-Западного направления № 014 об организации обороны Ленинграда, отданный ранее в тот же день. Принимаемое постановление призвано его заменить. «Для руководства обороны Ленинграда» принимается решение «создать Военный Совет Обороны Ленинграда». Военный Совет предполагается сформировать в составе Главнокомандующего войск Северо-Западного направления

К.Е. Ворошилова (председатель), секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) А.А. Кузнецова, председателя исполкома Ленинградского горсовета депутатов трудящихся П.С. Попкова, второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустина, генерал-майора А.И. Субботина^а.

Отмена приказа военного командования ясно свидетельствует о неупорядоченном характере взаимоотношений органов государственного и военного управления, отсутствии четких представлений (не говоря уже об их формализации в виде нормативных документов) о разграничении полномочий, соподчиненности и т. д.

Важным представляется подчеркнуть, что в окончательном варианте постановления оба первых лица – Ворошилов и Жданов в составе созданного их решениями органа управления значиться уже не будут. Военный Совет возглавит командующий Армией народного ополчения Субботин.

Очевидным становится, что на случай войны высшим политическим руководством не была подготовлена схема управления. Еще яснее эта проблема проступает в свете последовавших вслед за тем событий.

Уже 22 августа на пунктах связи соберутся представители высшего политического руководства страны: в Москве – Сталин, Молотов, Микоян «и другие», в Ленинграде – Ворошилов, Жданов, Кузнецов, Попов.

Переговоры по прямому проводу начнутся с претензии, жестко сформулированной Сталиным: «Вы создали Военный Совет Обороны Ленинграда. Вы должны понимать, что Военный Совет может создать только Правительство или по его поручению Ставка. Мы просим вас в другой раз не допускать такого нарушения». Это начало лишний раз подчеркивает, что высшие руководители советского государства говорят друг с другом не на нормативном языке бюрократического государства со ссылкой на регламенты, положения, нормативы или законы, а пытаются лишь синхронизировать представления двух групп управляющих о содержании и формах процесса управления.

Далее следует еще один показательный пассаж. «В Военный Совет обороны Ленинграда не вошли ни Ворошилов, ни Жданов. Это неправильно и даже вредно политически, – укажет Сталин. – Рабочие поймут это дело так, что Жданов и Ворошилов не верят в оборону Ленинграда, умыли руки и поручили оборону другим нижестоящим...»^б Этот совершенно справедливый упрек приобретает иное звучание, если вспомнить о том, что сам Сталин совершил точно такую же ошибку. В момент создания Ставки Главного командования 23 июня ее возгла-

^а РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 921. Л. 51.

^б Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 487. Л. 44.

вил не Сталин, а маршал Тимошенко, не принимавший в сложившейся системе управления окончательных решений и не воспринимавшийся в качестве такового членами политического и военного руководства. Лишь 10 июля, как указывалось, постановлением ГКО Ставка Главного командования была преобразована в Ставку Верховного командования во главе с председателем ГКО Сталиным.

Еще большее недоумение Сталина (да и наше сегодня) вызывает решение ленинградского руководства ввести «выборность батальонных командиров» во вновь создаваемых рабочих батальонах. Объяснить это решение можно рецидивом «партизанщины» периода Гражданской войны, за которую Ворошилову доставалось в период строительства Красной армии в те годы.

Военный Совет обороны Ленинграда будет упразднен 30 августа постановлением ГКО № 601 с передачей его функций Военному Совету Ленинградского фронта^а.

Военный Совет займет центральное место в организации обороны. Как выразится Жданов в письме к Сталину 9 июня 1942 г., «все руководство подтянуто к Военному Совету», которому «приходилось и приходится бороться со всякими проявлениями партикуляризма, ведомственного рвачества, непрерывно направляя распределение людей и благ между фронтом, флотом и городом»^б.

Беспокойство Сталина о состоянии обороны Ленинграда проявится еще в одном решении.

26 августа Сталин подпишет постановление ГКО № 586, утверждающее мандат В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Н.Г. Кузнецову, А.Н. Косыгину, П.Ф. Жигареву, Н.Н. Воронову. Поименованные руководители уполномочиваются «для рассмотрения и решения, совместно с Военным Советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным Советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения»^с.

Сталин вводит в состав руководства обороной Ленинграда политических и военных деятелей, облеченных его личным доверием. Причем эти люди не получают конкретных инструкций, определяющих сферы их полномочий и компетенций. Им предстоит действовать по обстановке.

Первое, что они сделают по приезду, – проведут совещание, на котором подвергнут «резкой критике ошибки, допущенные Ворошиловым и Ждановым: попытка устраниться при создании Совета Обороны Ленинграда, допущение выборности командиров в работе батальона,

^а Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 65.

^б Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 731. Л. 12–13.

^с Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 862. Л. 5.

торможение дела эвакуации населения Ленинграда, ошибки в плане строительства оборонительного рубежа, непонимание обязанности своевременно информировать Ставку и Комитет Оборона о мерах защиты Ленинграда, непрерывное отступление перед противником, отсутствие инициативы и организации контрударов». Занялись вновь прибывшие и «приведением в ясность дел» по ряду вопросов, в том числе «эвакуации населения, выселения 91 тысячи финнов и 5 тысяч немцев, а также вопросами продовольственного снабжения Ленинграда»^а.

* * *

К осени 1941 г. становится очевидным, что Красная армия терпит поражение, в результате которого во весь рост встал вопрос о выживании не только советского государства, но и социума. Об обстоятельствах этого поражения рассказывают многочисленные документы.

Прежде всего приходится констатировать, что армия в значительной своей части, очевидно, была деморализована. 8 июля член Военного Совета Северо-Западного фронта корпусной комиссар В.Н. Богаткин сообщает начальнику Главного управления политической пропаганды Л.З. Мехлису: «До сего времени в частях, особенно в пехотных, продолжает иметь место некоторая неустойчивость, боязнь противника, главным образом его авиации, танков»^б.

14 июля военный прокурор Северо-Западного фронта А.А. Блауберг направляет члену Военного Совета того же фронта генерал-майору В.М. Бочкову справку «по делу расследования об оставлении Псковского УРа». Из нее становится ясным, что укрепрайон был сдан из-за того, что приданные ему 118-я и 111-я стрелковые дивизии, «еще не войдя в соприкосновение с противником» и не получив соответствующего приказа, «начали поспешно отходить». При этом отступавшие части успели взорвать мост через р. Великая в Пскове, из-за чего части самого укрепрайона, продолжившие сражаться и отступившие под давлением превосходящих сил, были вынуждены переправляться вплавь под обстрелом, в результате чего были «потери в людском составе... и из всех станковых пулеметов (215) переправили только 9»^с.

24 июля 2-й секретарь Ленинградского обкома и в это время член Военного Совета СЗФ Т.Ф. Штыков сообщает Жданову из 11-й армии: «Приказ командующего армией (о контрнаступлении с целью вернуть станцию Дно. – А.С.) большинством частей не выполнен, больше того, 183 сд и 202 мсд бросили без разрешения поле боя и ушли в тыл... 202 мсд в ночь с 20 на 21 июля отошла без всякого основания в тыл...

^а РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 492. Л. 39.

^б Там же. Ф. 77. Оп. 4. Д. 48. Л. 1.

^с Там же. Л. 9.